

Фан Сынун решил, что видит сон.

Во сне он стал кем-то другим и бродил по миру.

То мчался по полям, захлёбываясь беспричинной радостью, то тащился по городским закоулкам, согнувшись в три погибели, глядя себе под ноги. Все смотрели на него с брезгливостью — он дрался с собаками за объедки и грелся рядом с ними же. Собственные руки в его поле зрения были сухими, морщинистыми, в въевшейся грязи.

Он не умел говорить. Только мычал и издавал нечленораздельные звуки. Он всё время куда-то шёл — не зная куда, не видя конца дороги.

По пути случалось всякое — диковинное и страшное, — но рассказать об увиденном он не мог, поэтому никто, кроме него, так ничего и не узнал.

Он видел убийц, наркоманов, мужчину, способного рожать детей. В конце концов его занесло в маленькую деревушку, где слепой старик не гнал его прочь. В тот студёный зимний день старик протянул ему шарф.

Зима стояла лютая, весь мир потонул в тусклой серости — и только жёлтые полосы на старом шарфе горели, как рапсовые цветы на весеннем просторе. Ткань ещё хранила человеческое тепло.

Тут та часть странствующей души, что принадлежала Фан Сынуну, вдруг осознала: он и есть тот безумец.

С тех пор безумец осел в этой деревне. Наведывался к старику, слушал его рассказы, порой получал что-нибудь поесть. Старик оказался добрейшим человеком из всех, кого он встречал за всю свою жизнь, — и сердце против воли потянулось к нему.

А потом появился тот монстр.

Безумец соображал плохо и говорить не умел, но звериный инстинкт безошибочно чуял беду — он держался от монстра подальше. Старик, добрый душой, принял чудовище так же, как принял его самого. И был убит.

Старик всегда сам открывал ему окно изнутри — впускал несчастье и своими руками ковал собственную гибель.

Безумец стал свидетелем всего. Ещё несколько лет назад, в другом городе, он случайно

оказался при рождении этого монстра — но говорить не умел.

Он прожил в деревне целую жизнь, и наконец дождался того, кто мог раскрыть правду...

— Фан-гэ! Фан-гэ!

— Брат! Фан-гэ! Очнись же!

— Фан-гэ!

Фан Сынун пришёл в себя. Перед ним было встревоженное лицо Пу Тяньбая, а чуть поодаль, наклонившись над ним, стоял Юй Цюся.

До него дошло: они вернулись. Обратно в гостевую комнату на втором этаже дома Вань Чуньхуа.

— Мы... — горло дёрнулось, он хотел сказать «вернулись», но сразу понял, что это и так очевидно, и промолчал.

— Хм-ф...

С кровати вдруг раздалось приглушённое мычание. Все трое обернулись: там торчал здоровенный бугор. Он зашевелился — и из-под одеяла выбрался Хуа Тяньсяо. Уставился на собственную целёхонькую правую руку.

— Уф, хорошо, что это был сон!

Фан Сынун резко повернулся к Юй Цюся. Взгляды встретились — оба одинаково мрачные.

— Нет, не сон! — жизнерадостно сообщил Пу Тяньбай. — Всё было по-настоящему. Мы провалились в страшный мир.

Хуа Тяньсяо уставился на него, не в силах вымолвить слова.

Пока двое отвлекали его внимание, Юй Цюся исчез — только хлопнула дверь.

— Эй... Фан-гэ?

Пу Тяньбай инстинктивно дёрнулся следом за уже выбегающим Фан Сынуном, но Хуа Тяньсяо схватил его за локоть.

Переходящий в актёры айдол умел плакать — в нужную секунду, убедительно, трогательно.

— Что вообще происходит! — всхлипнул он.

Фан Сынун бросился за Юй Цюся вниз по лестнице, только догнать не вышло. Вечеринка Вань Чуньхуа была в самом разгаре — зал кипел народом. Пробившись сквозь толчею к выходу, он увидел, как Юй Цюся ныряет в машину у подъезда, и та трогается.

Он стоял на краю тротуара, провожая взглядом удаляющиеся огни — пока они не слились с темнотой. На душе было беспокойно. Но всё равно лучше, чем в те два года, когда внутри было пусто, как выжженная пустошь.

—

На следующий день Фан Сынун поднялся с первыми петухами и отправился на съёмочную площадку Юй Цюся.

С тех пор, как тот взялся снимать кино, работал он исключительно в помещениях — включая «Восемнадцать», тот самый фильм, что сделал его знаменитым в двадцать пять. Сейчас ничего не изменилось.

У входа его первой заметила Юй Янь — ассистентка и ученица Юй Цюся. За два года она расцвела пуще прежнего: что-то в ней напоминало красную розу в полную силу — дерзкое, манящее, опасное.

Увидев Фан Сынуна, она на секунду замерла. По лицу пробежала тень колебания.

— Юй-лаоши в первом павильоне, — сказала она всё же.

Фан Сынун коротко кивнул и прошёл внутрь — он знал эти коридоры как свои пять пальцев.

Тёмный прямой тоннель вёл к свету, в котором угадывалась спина Юй Цюся — тот стоял у камеры, наблюдая за актёрами.

Фан Сынун остался в тени. Он смотрел долго, не двигаясь, пока за спиной не застучали каблуки и в тоннеле не появилась Юй Янь.

— Ой, — сказала она. — Фан-лаоши, вы что тут стоите?

Юй Цюся обернулся. Увидел его — и брови медленно съехались к переносице.

— Зачем явился?

— Поговорить насчёт Хуа Тяньсяо, — выдал Фан Сынун заранее приготовленный предлог.

Юй Цюся помолчал, затем повернулся к площадке:

— Перерыв.

И кивком позвал Фан Сынуну в смежную комнату.

Небольшое помещение с длинным столом и стульями по периметру — скорее всего, здесь собирались на читки и разборы сценария. Юй Цюся бросил на стол папку с раскадровкой, опустил на стул и потёр переносицу.

— Ну?

Фан Сынун изучал его лицо. Помедлил.

— Опять не спал?

Юй Цюся воззрился на него с откровенной враждебностью — красные прожилки в глазах, взгляд с острыми краями.

— Не твоё дело. Ближе к теме.

Фан Сынун взял себя в руки.

— Хотел спросить... Если умрёшь там — выйдешь живым?

— Нет. — Юй Цюся произнёс это без паузы. — Значит, он не умер.

— Первую ночь — без жертв. — Фан Сынун думал вслух. — Но ты же сам говорил, что правила абсолютны?

— Правило нарушено, иначе объяснить не получится.

— Почему нарушено?

— Откуда мне знать?

Юй Цюся сегодня был на редкость раздражён. Фан Сынун поднял руки — тема закрыта — и медленно опустился на стул напротив.

— А остальные?

— Лу Шэн умер. Сердечный приступ.

Юй Цюся взял телефон, что-то нажал. Через секунду у Фан Сынуна в кармане звякнуло уведомление.

Он смотрел на экран. Два года эта переписка стояла наверху, закреплённая с единственной звёздочкой — и теперь на ней горела красная точка. Рука дрогнула, телефон едва не выскользнул, но он поймал его и открыл сообщение.

Новостная ссылка.

— Эта пара погибла в ДТП, — сказал Юй Цюся. — Должно быть, Го Цзыюй и Цинь Фэй. Про Линь Чжэ ещё не нашёл, но, скорее всего, тоже мёртв.

— То есть если мы умрём там... — в горле пересохло, —...здесь тоже...

— Именно. Насильственная смерть.

Фан Сынун видел по его виду, что терпение на исходе, и заговорил быстрее:

— Ты раньше сказал, что попавшие туда уже не выберутся. Я хотел понять, что именно нам грозит.

Рука Юй Цюся чуть заметно дрогнула. Лицо стало ещё темнее.

— Найду тебя, когда будет что сказать.

Долгая тишина.

Потом он поднял голову:

— Ещё что-то?

Рационально Фан Сынун понимал: сейчас не время давить дальше. Но видеть Юй Цюся в таком состоянии и просто развернуться — не выходило.

— Слышал, твой оператор сегодня не пришёл. Я могу снять за него.

— Не нужно. — Голос у Юй Цюся был как закрытая дверь. — У меня нет привычки цепляться за бывших.

Слова попали точно в цель. Фан Сынун вспомнил последние минуты в той разбитой машине, неловкий разговор, и — «вернись ко мне», — слетевшее с языка. Именно тогда что-то переломилось.

Значит, и сегодняшнее настроение Юй Цюся — оттуда?

Внутри поднялась обида — неловкая, горячая. Он не понимал, что было не так в той фразе. Он чувствовал: Юй Цюся не испытывает к нему того равнодушия, о котором говорит. Если Юй Цюся расстался с ним именно затем, чтобы не вовлекать в опасность, — так теперь он уже вовлечён. Почему же тогда нельзя снова быть вместе?

Он отдавал себе отчёт в происходящем. Он попал в страшный мир, где можно погибнуть в любую секунду, и это явно не последний раз. Но если взамен — Юй Цюся...

Он, кажется, даже был рад.

Задавленное сердце очнулось, затрепетало.

Юй Цюся всегда был как цветок эдельвейса на неприступной вершине: хочешь достать — будь готов к длинной дороге, к испытаниям, к риску. Наверное, так и должно быть.

Фан Сынун опустил голову. Сердце грохотало. Вдруг он снова оказался в двадцати с чем-то — старая газетная страница, что рассыплется от одного прикосновения. Всё тело сжалось.

— Тогда... — тихо спросил он. — Можно мне попробовать снова?

Юй Цюся коротко засмеялся — без юмора.

— Фан Сынун, ты и правда думаешь, что после всего этого между нами что-то изменилось?

Фан Сынун вскинул голову — в глазах было искреннее непонимание.

— Но ведь именно поэтому ты со мной расстался?

— Конечно нет. — Юй Цюся смотрел на него ровно, и этот взгляд был острым и холодным, как два осколка льда, — а Фан Сынун уже стоял на грани слёз, но никакой пощады в нём не было.

— Ладно. Признаю: это стало последней каплей. Но ты же чувствовал атмосферу между нами незадолго до разрыва? Я долго тебя терпел.

Фан Сынун выпрямился.

— Я могу измениться.

Юй Цюся коротко рассмеялся снова — и в этот раз маска безупречной вежливости слетела окончательно.

— Ты даже не спросил, что именно нужно менять, — и уже готов меняться? Это называется как?

— Всё, что скажешь.

Улыбка медленно угасала. Когда с лица Юй Цюся исчезло последнее выражение, оно стало похоже на скульптуру — строгую, совершенную, внушающую то особое благоговение, с которым смотрят на что-то недоступное пониманию. Взгляд не уклонялся, но выдержать его было невозможно.

Он встал и вышел.

Фан Сынун не остановил его. Через мгновение снаружи донёсся голос Юй Янь — она что-то спрашивала, — и в ответ раздались удаляющиеся шаги и слова:

— Снимайте сами. Кто хочет — тот и снимает.

Сердце колотилось. Кончики пальцев онемели от холода.

В тишине, стоявшей в комнате, как в склепе, Фан Сынун закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/20607/2181816>